

Гавриила, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, «первенствующего святейшего правительствующего Синода члена»;

членов Синода — Платона, митрополита Московского и Калужского;

Самуила, митрополита Киевского и Галицкого;

Иоасафа, архиепископа Тверского и Кашинского;

Арсения, архиепископа Ростовского и Ярославского;

Симона, епископа Рязанского и Шацкого;

Феофилакта, епископа Переяславского и Дмитровского;

Дамаскина, епископа Нижегородского и Алатурского;

Антония, архиепископа Астраханского, и многих других иерархов православной церкви.

Я уж не говорю о мелкой церковной сошке вроде Аполлоса Байбакова, ректора Московской духовной академии, чьих изданий в одном только московском списке полтора десятка. Но любопытно, что цензор Моисей Гумилевский, один из составителей московского списка, не пощадил и самого себя, включив в число 313 изданий четыре собственных сочинения и перевода, а за компанию и две книги Иринея, духовного цензора в Ярославле.

Но какие же причины могли подвигнуть духовных цензоров и членов святейшего Синода на столь жестокую расправу над своими собственными произведениями?

Уже сам факт включения в список 313 изданий тех сочинений и переводов, которые принадлежат перу духовного цензора Моисея Гумилевского, наличие в списке всех имевшихся в продаже сочинений членов Синода заставляет задать вопрос: не являются ли наши представления о десятках тысяч книг, которые «отобрали и сожгли», легендой, восходящей к временам давно минувшим? Не повторяем ли мы ошибку Лонгинова, говоря о конфискации полутораста тысяч книг?

Так возникает гипотеза, что список 313 книг — это вообще не реестр конфискованных изданий, а просто исчерпывающий список духовной и мистической литературы, находившейся в продаже и обнаруженной во всех московских книжных лавках осенью 1787 г., — то есть список литературы, подлежащей освидетельствованию.

Обращение к документам подтверждает справедливость этого предположения. Как показывают архивные материалы, в действительности ход дела был совершенно иным, чем принято считать, и судьба опечатанных книг может быть полностью восстановлена в другом виде.

При осмотре книжных лавок все книги, касающиеся духовных вопросов, молитвенники, наконец, содержащие только какие-нибудь упоминания о религии и напечатанные не в синодальных типографиях, были опечатаны частью тут же в лавках, частью свезены в Московскую синодальную контору. Но, поскольку духовные цензоры составляли список по формальным признакам